

Евгений ЛУКИН

ДОЛОЙ КГБ, ИЛИ ЭФФЕКТ ОЧУЖДЕНИЯ

Году российского кино посвящается

Поздней весной 1993 года я познакомился с режиссером Валерием Сарухановым. Это был человек энциклопедический, способный цитировать многих ученых мужей. К тридцати годам он умудрился окончить три института и получить пять профессий: режиссера, дизайнера, сценариста, композитора и певца. В ту пору, когда мы с ним познакомились, он увлекался теорией эпического театра, разработанной немецким драматургом Бертольдом Брехтом.

— В нашем фильме, — пояснял Саруханов, — главным театральным приемом должен стать не метод вживания в образ, который проповедовал Станиславский, а эффект очуждения, придуманный Брехтом. Как учил этот великий драматург, необходимо лишить событие всего, что само собой разумеется, и вызвать по поводу этого события любопытство и удивление. Наш сериал должен всех поразить!

Телевизионный сериал «Глухарь» и был причиной нашего знакомства. Главным героем сериала был бандит Сергей Мадуев, который обрел тогда неслыханную популярность. Пресса смаковала его неординарные поступки при разбойных нападениях: в одном случае он вызвал «скорую помощь» жертве, в другом — застрелил на глазах публики хамоватого швейцара, а в третьем — нахально присвоил себе воровской общак. Особый восторг творческой братии вызвала попытка этого чеченского Робина Гуда бежать из ленинградской тюрьмы «Кресты». Умный, коварный бандит сумел обаять молодую прокуроршу, которая принесла ему в тюрьму пистолет и помогла организовать дерзкий побег со стрельбой. «Это настоящая любовь!» — восторгались труженики пера и строчили статьи, восхваляя благородно-разбойника и романтизируя преступность — «истинного борца с тоталитаризмом».

Однако в потоке дифирамбов куда-то исчезали такие злодеяния Мадуева, как чудовищный расстрел молодой семьи, сжигание заживо годовалого младенца, прочие безжалостные убийства. Однобокое освещение событий побудило меня и моего друга, питерского журналиста Александра Афанасьева, взяться за перо. Целое лето мы колдовали над сценарием будущего телевизионного фильма. Таинство вершилось на моей даче в Сестрорецке. Я привозил туда копии материалов уголовного дела на Сергея Мадуева. Мы делали литературную обработку протоколов

Евгений Валентинович Лукин — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет педагогического института имени А. И. Герцена. Работал учителем и журналистом. Проходил военную службу. Участник боевых действий на Кавказе. Член Союза писателей России. Автор двух десятков книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии журнала «Нева» (2010) за повесть «Танки на Москву», посвященную первой чеченской войне.

допросов, отсматривали видеопленки следственного процесса, производили расшифровку наиболее интересных эпизодов. Из этих отрывков и конструировали сценарий фильма в жанре нон-фикшн, не позволяя себе никаких фантазий. Но режиссер Валерий Саруханов, познакомившись с нашим трудом, радостно выдохнул:

— Это же Брехт! Это же эффект очуждения!

Мы с Афанасьевым переглянулись: какой к черту Брехт? Мы кропали обычный детектив на документальной основе. Никакой выдумки, никакого эффекта, извините, очуждения не допускали. Будущий сериал, как нам виделось, должен был в полной мере отражать суровую реальность российского бытия.

— Нет, нет! — замахал руками Саруханов. — Это право художника — видеть по-своему. Я вот вижу здесь Брехта. Завтра же приступаем к съемкам.

— Как завтра? — удивились мы. — У нас ведь нет ни копейки. Откуда возьмутся деньги на оплату актеров и технического персонала, на аренду техники и съемочных помещений?

— С актерами я договорюсь, — успокоил режиссер. — Сейчас время голодное — они готовы работать почти задаром. Технику возьмем на питерском телевидении. Ну а снимать будем на натуре. Есть в нашей команде один человек, который обеспечит нам бесплатную натуру.

Он выразительно посмотрел на меня.

— Валерий Арменович, вы кого имеете в виду? — поинтересовался я.

— Тебя, дорогой, тебя, — вздохнул Саруханов. — Ты зря, что ли, таскаешь служебное удостоверение во внутреннем кармане? Махнешь своей волшебной книжечкой, и все двери перед нами распахнутся, как в сказке.

* * *

Первый эпизод снимали в рюмочной, расположенной на углу улицы Пестеля и Литейного проспекта. Эта любимая забегаловка силовиков носила неформальное название «Полковник». Все здесь было дешево и сердито: барная стойка, отделанная жженым деревом, высокие круглые столики, укрепленные на одной железной ножке, мутные граненые стаканы, наполненные паленой водкой с сивушным дымком. В общем, натура — что надо.

Сбор съемочной группы был назначен на десять часов утра — время открытия рюмочной. Первым на место встречи явился Саруханов, который старался всегда быть точным и обязательным. Затем подтянулись актеры из Большого драматического театра: оказалось, из-за сплошного безденежья работать «почти задаром» согласилась чуть ли не вся прославленная труппа. Последним подошел оператор Андрей Гусак, сияя таким длинным, поистине гусиным носом, что когда он представился, то многие подумали: «Товарищ шутит! У него наверняка другая фамилия».

— Ну что, собрались? — Саруханов окинул нас орлиным взором. — Все приходят в чувство и готовятся к напряженной работе. А ты, — он ткнул пальцем в меня, — иди договаривайся с увеселительным заведением.

В рюмочной стоял густой запах вчерашнего перегара. Яркая крашенная буфетчица скучала за барной стойкой, поджидая первых посетителей. Мое появление было встречено с деланным равнодушием. Я поздоровался, козырнул служебным удостоверением и кое-как пояснил насторожившейся даме, что наша съемочная группа просит разрешения расположиться за одним из столиков и снять небольшую сценку на видеокамеру. Выслушав мою сбивчивую речь, буфетчица грозно рявкнула:

— Водку пить будете?

— Так точно, будем! — по-офицерски отрапортовал я.

— Тогда делайте что хотите.

Я вернулся к коллегам и сообщил: рюмочная согласна при условии, что мы купим и употребим определенное количество алкогольного продукта. Заметив, как повеселели глаза актеров, призванных сыграть роль бывалых сыщиков, Саруханов погрозил им пальцем и со вздохом достал бумажник:

— Передай буфетчице, что она внакладе не останется. Начинаем съемки!

Первый дубль чуть не вышел комом. Покупая водку, режиссер попросил налить в стаканы по пятьдесят грамм. Я заметил, что настоящие следователи такими маленькими дозами не балуются — если и пьют, то пьют всерьез.

— Сколько же им налить? — растерялся Саруханов.

— Возьмите хотя бы по сто грамм, — посоветовал я.

— У нас бойцы меньше двухсот не берут, — встряла в наш разговор буфетчица.

— Они же у меня не доживут до третьего дубля, — заволновался режиссер.

— Доживем, доживем, — отозвался дружный актерский хор.

Действительно, к третьему дублю актеры, следуя проверенному методу Станиславского, окончательно вжились в роль бывалых сыщиков — полупьяных завсегда-таев «Полковника». Беспорядочно размахивая руками, они что-то бессвязно бормотали, пытаясь держаться заданного диалога. Получалось натурально, но не очень понятно. Когда стаканы опустели, наши герои потребовали продолжения банкета. Но режиссер продемонстрировал им опустевший кошелек:

— На четвертый дубль денег не хватит! Всем спасибо.

Я вышел на воздух. После затхлої прокуренной рюмочной Литейный проспект радовал свежим невским ветерком. Прощаясь, Саруханов поблагодарил меня за отличную натуру и предупредил:

— Не забудь — завтра снимаем на Витебском вокзале.

* * *

Витебский — самый красивый вокзал Петербурга. Отсюда уходили поезда на Царское Село, бывшую резиденцию русских императоров, и потому он отличался богатой отделкой: витражными окнами, лепными панно, мраморными перилами. В моем представлении, здесь было хорошо снимать русскую классику, но никак не современный криминальный сериал. Однако наш режиссер руководствовался иными соображениями: на Витебском вокзале был небольшой пассажиропоток, а значит — никаких хлопот с организацией съемок.

Действительно, в ранние часы зал ожидания на втором этаже был полупуст. Несколько неопрятных мужичков в грязных ватниках мирно посапывали на скамейках. Рядом расположились деревенские бабули, перегородив проход большими котомками. Бабули грызли семечки и перекидывались редкими словечками.

Андрей Гусак поставил съемочную аппаратуру в углу — так, чтобы объектив видеокамеры мог захватить всю панораму зала. Надлежало снять второй эпизод нашего сериала, который воспроизводил реальный случай, когда Сергей Мадурев был задержан на железнодорожном вокзале и пристегнут наручниками к милиционеру. Неожиданно бандит вытащил из кармана гранату и, угрожая взрывом, потребовал отпустить его... Эпизод был коротким, но экспрессивным. Последняя мизансцена выглядела так: главный герой (в фильме его играл заслуженный артист Владимир Еремин), подобно плакатному политруку, гордо стоял со вскинутой вверх гранатой, на которую таращил глаза присевший от страха милиционер.

Пока готовились к съемкам, народу в зале ожидания прибавилось. Парочка длинноногих девиц, взявшись за ручки, прохаживалась туда-сюда. Какой-то интеллигентный

очкарик устроился на свободной скамейке и развернул газету. Появилась пышнотелая дама с маленькой собачкой на руках. Ее появление привело режиссера в полный восторг:

— Это же Чехов! — воскликнул он. — Скорее снимаем!

Андрей Гусак прильнул к видеоискателю. Сначала он зафиксировал благостную картинку — и мужичков, и бабуль, и длинноногих девиц, и даму с собачкой. Потом камера передвинулась на вход, откуда вырисовалась фигура главного героя с пристегнутым к нему милиционером. Герой встал посреди зала перед камерой и, выхватив муляж гранаты, что есть силы завопил:

— Всем лежать! Взорву к чертовой матери!

В зале ожидания случился неописуемый переполох. Мужички, дотоле мирно хравшие, вскочили, как ваньки-встаньки. Деревенские бабули в испуге сиганули со скамеек и забились под котомки. Длинноногие девицы взвились под потолок, а пышнотелая дама грохнулась наземь, выронив из рук маленькую собачку. И лишь интеллигентный очкарик продолжал читать газету как ни в чем не бывало — очевидно, был туговат на ухо.

— Снимай, снимай зал! — подзадоривал оператора Саруханов. — Какой Брехт! Какой эффект!

Я стоял ни жив ни мертв. С ужасом ожидал, очухается ли пышнотелая дама или навсегда останется лежать без движения. Маленькая собачка крутилась возле хозяйки и звонко тявкала. На тявканье прибежал настоящий сержант милиции, который застал жуткую картину: бандит с гранатой стоит посреди зала, перед ним приседает в реверансе какой-то милиционер, почтенная публика валяется на полу, а в углу стоит съемочная группа и азартно снимает происходящее на видеокамеру.

— Что здесь происходит? — прорычал сержант.

— Съе-е-емки! — раздалось блеянье режиссера.

— Почему я не знаю? — брови сержанта нахмурились. — Кто здесь главный?

— Он! — не моргнув глазом, Саруханов указал в мою сторону.

— Пройдемте, товарищ! — сержант схватил меня за рукав и бесцеремонно поволок к начальнику вокзала.

Начальник вокзала долго изучал мое служебное удостоверение, бросая пристальный взгляд то на меня, то на мою фотографию.

— Что же вы, Евгений Валентинович, создали на объекте угрозу общественному порядку, устроили демонстрацию террористического акта? А главное — почему съемки ни с кем не согласовали? Они ведь теперь денег стоят! — завершая длинную тираду, он ехидно улыбнулся, видимо, намекая на кругленькую сумму, которую надо бы заплатить.

Я не знал, что ответить. Было бы глупо промычать: «Дяденька, простите, мы больше не будем». Еще глупее начать качать права: «Да вы знаете, кто я? Да я сейчас позволю, и от вас мокрого места не останется!» Казалось, выхода никакого не было. И тут меня осенило: это ведь Брехт спровоцировал нас на такие действия! Вот пусть великий немецкий драматург и ответит за все, что здесь натворила наша съемочная группа. Я стал снисходительно разъяснять непросвещенному товарищу:

— Понимаете, у нас такой художественный прием. Называется эффект очуждения. Мы снимаем какое-нибудь рядовое событие, которое обязательно должно вызвать у публики неподдельное удивление. Если мы согласуем, то никакого удивления не получится.

Начальник вокзала широко открыл рот — то ли от моей наглости, то ли и впрямь от удивления. Потом протянул мне служебное удостоверение и мрачно произнес:

— Идите и больше никого не удивляйте!

— Особенно милицию, — добавил сержант и выпроводил меня за дверь.

Саруханов стоял на выходе с Витебского вокзала. Потирая от удовольствия руки, он сообщил, что вокзальная сценка получилась с первого дубля, и повторять ее не придется — на сегодня работа закончена, все разошлись по своим делам. На прощание режиссер шутливо пригрозил мне указательным пальцем:

— Не забудь — завтра снимаем у Большого дома. Надеюсь, ты согласовал наши съемки с этим серьезным учреждением?

* * *

Рапорт о проведении съемочных работ около Большого дома я подал заранее. На нем стояла разрешительная резолюция Виктора Черкесова, начальника питерского управления федеральной службы контрразведки — так тогда называлась наследница КГБ, сиречь Комитета государственной безопасности. Правда, в бумаге ни слова не говорилось о том, что в соответствии со сценарием фильма перед пресловутым зданием на Литейном проспекте должна состояться многоядная демократическая демонстрация. Такую акцию действительно проводили правозащитники летом 1991 года, требуя освободить из-под стражи «узников совести». Бандит Сергей Мадуев, сидя в камере следственного изолятора, слышал эти выкрики и ждал, что вот-вот темницы рухнут и свобода его примет радостно у выхода на Шпалерную улицу. Не случилось.

Весь вечер после инцидента на Витебском вокзале я провел в печальных раздумьях. Меня одолевали нехорошие предчувствия. «Авось пронесет, — тайне надеялся я. — Может, дождь хлынет, может, гроза грянет, и дурацкие съемки не состоятся».

Утро, как назло, выдалось чистым и ясным. На углу Литейного проспекта и улицы Шпалерной уже красовался Саруханов. Вокруг него щебетала стайка девиц. Как всякий восточный человек, Валерий Арменович был дамским угодником.

— Женя, познакомься, это мои прекрасные студентки из Института кино и телевидения, — режиссер на глазах превращался в галантного преподавателя. — Я пригласил их поучаствовать в массовке, а заодно посмотреть, как делается настоящее кино.

— Они нам вряд ли подойдут, — пробурчал я, глядя на наряженных девушек. — Такие красотки на демонстрации не ходят. Такие красотки ходят на вечерние балы.

— Ничего, ничего, — Саруханов похлопал меня по плечу, — мы разбавим красавиц случайными прохожими. Думаю, желающих поучаствовать в демонстрации против КГБ будет невпроворот. Андрюшка, поди сюда.

Долговязый администратор Андрюшка бросился выполнять данное поручение — собирать массовку. Он нарезал круги около Большого дома, подбегая то к одному прохожему, то к другому. Прохожие на минуту останавливались, выслушивали Андрюшку и, покрутив пальцем у виска, продолжали путь. Незадачливый администратор возвратился ни с чем.

— Никто не хочет участвовать в такой демонстрации.

— Странное дело, — удивился Саруханов. — Еще вчера от демонстрантов отбоя не было, а сегодня — шаром кати. Да ты, Андрюшка, просто работать не умеешь. Пойдем-ка, Женя, покажем с тобой мастер-класс.

Мы отправились охотиться на прохожих. Сначала нам попался звездочет, то бишь сотрудник Института прикладной астрономии, расположенного неподалеку. Его горбатый нос вместо очков украшали огромные лупы. На голове, наподобие вороньего гнезда, громоздилась потасканная собачья шапка. Чувствовалось, что

товарищ постоянно пребывает где-то в зодиакальной вечности — вне зависимости от времени года. Выслушав нас с раскрытым ртом и не сказав ни слова, звездочет торжественно прошествовал дальше по своему звездному пути.

Вторым попался какой-то одержимый студент Мухинского училища, который, не останавливаясь, кометой пронесся мимо нас с тубусом в руках. А вот третьей жертвой нашей охоты оказалась пожилая дама со следами былой красоты на породистом лице. Она свысока смотрела на нас, пока мы любезно предлагали ей сняться в синема — поучаствовать в свободолюбивых экзерцициях. Наконец, сообразив, что от нее хотят, она внезапно возопила на весь Литейный проспект:

— Страну развалили, а теперь последний оплот государства развалить хотите? Мерзавцы! Да я сейчас милицию вызову!

Обескураженные, мы вернулись к съемочной группе. Саруханов беспомощно взглянул на меня и, приложив ладони к груди, взмолился:

— Женя, выручай — быть может, твои подчиненные согласятся полчаса посто-
ять здесь с плакатами?

Я недоверчиво покосился на свернутые в рулон плакаты, догадываясь, что на них написано что-то нехорошее. Но делать было нечего. Пришлось отправиться в пресс-службу Большого дома, которую я тогда возглавлял. Мои сотрудники охотно откликнулись на просьбу режиссера. А когда увидели красавиц, вообще расцвели. Встав рядом с прекрасными созданиями, они развернули плакаты, на которых крупными буквами было начертано: «Свободу узникам совести!», «КГБ — верный помощник КПСС», «КГБ, ответь за 1937 год!». И тут я окончательно понял, что дни моей службы сочтены — никто никогда не простит мне такого глумления над конторой.

Между тем Саруханов, бодро оценив мизансцену, приказал оператору:

— Начали!

По команде режиссера небольшая толпа на углу Шпалерной улицы и Литейного проспекта зашевелилась, забурлила. Послышались шутки, легкий смех. Одна из девиц тоненько пропищала: «Долой КГБ!» Ее комариный писк едва долетел до ушей режиссера. «Громче!» — заорал Саруханов, топнув ногой. Нестройный студенческий хор повторил лозунг. Но режиссер снова топнул ногой — снова потребовал усилить звук. Неожиданно слабые девичьи голоса поддержали мощные басы моих сотрудников:

— Долой КГБ! Долой КГБ!

Молодые чекисты так истошно орали, что зазвенели стекла в окнах Большого дома. Окна приоткрылись — оттуда высунулись сморщенные личики его давних обитателей. Они с любопытством разглядывали шумную демонстрацию. И вдруг эти личики перекосило так, как будто старым служакам показали что-то невероятное, несбыточное, сказочное. Такое не укладывалось в их казенных головах: среди белого дня на улице стояли сотрудники Большого дома и требовали прикрыть лавочку. Убедившись, что это — не сон, служаки с треском закрывали рамы и исчезали во мраке здания.

«Сейчас начнется! — тоскливо подумал я. — Побежали докладывать начальству!» Действительно, спустя пять минут из-за угла показался дежурный прапорщик. Он подбежал ко мне и выпалил:

— Товарищ капитан! Вас срочно вызывает к себе начальник управления!

Виктор Черкесов был молодым генералом, который уже приобрел генеральский шик, но еще не стяжал генеральской величавости. В своем просторном кабинете он занимал только центральное место, в отличие от заслуженных генералов, которые обычно заполняли собой все окружающее пространство. Впрочем, этот недостаток Виктор Васильевич возмещал громозвучным голосом.

— Мне доложили, что твои подчиненные стоят под окнами и орут: «Долой КГБ!» — прогремел он. — Объясни, что это значит? Объясни, кто им разрешил орать такой бред и вообще — участвовать в демонстрации.

Я молча стоял перед начальником, сжимая под мышкой тонкую папку, куда предсмотрительно положил рапорт о проведении съемочных работ.

— Я повторяю свой вопрос, — в голосе генерала послышались угрожающие нотки, — кто им разрешил выкрикивать антигосударственные лозунги?

— Вы разрешили, — я набрался смелости и прервал молчание.

— ?

— Разве не помните, Виктор Васильевич? Вот мой рапорт, который вы подписали.

Я положил на стол бумагу, в правом углу которой чернела размашистая резолюция «Разрешаю!». Черкесов убедился в подлинности своей подписи и поднял на меня глаза: огненной яростью в них полыхал эффект огуждения. Из приоткрытой фрамуги донеслись веселые возгласы моих сотрудников. Здесь, в кабинете начальника Большого дома, они казались еще задорнее, еще наглее, чем это было на улице.

— Кончай свой Голливуд! — процедил Черкесов. — Немедленно кончай!

«Только бы успели отснять второй дубль», — лихорадочно думал я, приближаясь к съемочной группе. По довольному виду режиссера я понял, что все уже закончилось и выполнять указание начальника мне не понадобится. Саруханов крепко пожимал руки молодым чекистам.

— Какие у тебя великолепные ребята! — сказал он, подойдя ко мне. — Так искренне вопили, как будто всю душу вложили в этот вопль: «Долой КГБ!»

— Зарплата маленькая, — пояснил я, — вот и надрывались, как могли.

* * *

После успешных съемок на натуре каждый из нас занялся своим делом. Саруханов уединился на питерском телевидении, где приступил к монтажу телевизионного сериала. Мы с Александром Афанасьевым занялись доработкой сценария, перемежая готовый текст отрывками из злободневных газетных статей. Это делалось для того, чтобы, во-первых, создать у читателей ощущение исторического времени, а во-вторых, чтобы увеличить объем рукописи для печатного издания. Мы оказались побойчее Саруханова: роман «Глухарь» увидел свет раньше одноименного телевизионного сериала. На обложке стояли фамилии трех авторов — двух сценаристов и одного режиссера.

Книга только появилась на прилавках магазинов, как на следующий день в мой кабинет нагрянул начальник отдела собственной безопасности. В руках он держал наш драгоценный фолиант, еще пахнущий типографской краской. «Видимо, хочет получить автограф», — обрадовался я и приготовил авторучку.

— Ну, как кино? — вежливо поинтересовался он.

— Заканчиваем монтаж, — похвастался я. — В фильме снялись лучшие артисты: Владимир Еремин, Елена Попова, Лариса Луппиан, Эрнст Романов, Вадим Лобанов, Сергей Лосев. В общем, весь актерский цвет Петербурга. Это — фурор!

— Да нет, — начальник отдела потряс передо мной книгой. — Вот фурор так фурор!

— Здорово написано, правда? — я бросил заискивающий взгляд.

— Конечно, здорово, — ухмыльнулся он. — И нам облегчает задачу. По написанному куда легче допрашивать, чем по сказанному.

— А что случилось? — насторожился я.

— На тебя поступило заявление от руководителя оперативного отдела. Он считает, что ты в своей книге разгласил государственную тайну. Начальник управления

Черкесов поручил мне провести служебное расследование и по его результатам решить, возбуждать уголовное дело против тебя или нет. Между прочим, тебе грозит три года заключения.

— Чего же я такого натворил?

— Ты разболтал секретный лексикон сотрудников службы наружного наблюдения.

— Ей-богу, я не знаю никакого лексикона.

— Не надо оправдываться. Лучше ознакомься с фактами. Например, на странице двести восемь ты пишешь, что такси движется «по бороде», то есть по проспекту Карла Маркса. Это и есть расшифровка секретного лексикона.

— Ничего себе секрет! — возмутился я. — Кто же в Питере не знает, что этот проспект так называется в честь роскошной бороды основоположника марксизма?

— Вот обо всем этом ты напишешь в объяснительной записке, — начальник отдела направился к выходу. — Трудись, писатель!

Я был потрясен. Придя в себя, созвонился с друзьями. В полдень мы собрались в монтажной студии питерского телевидения. Я вкратце передал утренний разговор.

— Что же делать? — опешил Саруханов. — Фильм почти готов — осталось только приделать титры. Не дай Господи, его запретят!

— Валера, не волнуйся, — Афанасьев прищурил хитрый глаз. — Ты сделаешь самое простое: не укажешь в титрах имя Лукина как сценариста. Надеюсь, этого будет вполне достаточно, чтобы обезопасить сериал. Ты, Женя, не возражаешь?

— Не возражаю, — вздохнул я. — Понятное дело: искусство требует жертв.

— Эх, дорогие товарищи! — прослезился режиссер. — Знали бы вы, какой гениальный фильм у нас получился. Это даже не фильм — это сплошной Брехт, сплошной эффект очуждения! Зрители будут потрясены.